

МОДЕЛИРОВАНИЕ РЕФЛЕКСИВНЫХ ПРОЦЕССОВ

РЕФЛЕКСИЯ И ДИСКУРС: ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ, КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ И МАТЕМАТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ СВОБОДЫ И ТВОРЧЕСТВА

В. И. Боршевич

Молдова,
доктор технических наук

Друг друга отражают зеркала,
Взаимно умножая отраженья.

В. Иванов

ПРЕАМБУЛА: РЕФЛЕКСИЯ КАК ОСВОБОЖДЕНИЕ ТВОРЧЕСКОЙ МЫСЛИ ОТ «ДУХОВНОГО АВТОМАТИЗМА»

Понятие свободы необходимо для того,
чтобы понять, что такое рефлексия.

В. Лефевр

С точки зрения старых как мир диспутов о свободе воли, адепты идеи всеобщей предопределенности, т. е. несвободы человеческой воли, рассматривали мир в качестве некоторого рокового часового механизма, в котором все поступки людей являются результатом действия некой всемогущей и всеопределяющей верховной силы (будь это Промысел Господен или принципы классической механики). Такой подход, по существу, освобождал человека от ответственности за свои деяния. Ведь как и в чем можно обвинить «винтик вселенского механизма», несвободного в своих желаниях и действиях, о какой «вине» либо «заслуге», да и о ка-

ком «зле» и «добре» вообще может идти речь при таком мироустройстве и таком миропонимании?

Вероятностная трактовка квантовой механики заставила мыслителей и философов усомниться в детерминистской «теории предестинации». И хотя сам Альберт Эйнштейн упорно отвергал идею того, что «Бог играет в кости», все-таки *сама механическая идея о человеке, как о детерминированном либо как о вероятностном автомате, ни на йоту не изменила главного в такого рода теологических либо научных рассуждениях о свободе, т. е. о вине и заслугах человека, о проблеме добра и зла. Автомат есть автомат, и посему «спроса» с него никакого быть не может, разве что такого же – «автоматического».*

Великий мыслитель начала эпохи Просвещения Барух Спиноза также придерживался того представления, что человек есть некий «духовный автомат», «устройство» которого он осветил в «аксиомах» и «теоремах» своей бессмертной «Этики». Нетрудно заметить, что «алгебра» Лефевра, по сути дела, является продолжением идей «геометрического метода» Спинозы. Вот что пишет о таком подходе к душе пронизательный методолог А. Левинтов: «Его философию я воспринимаю как фаталистическую, в которой даже воля — описуема, предсказуема и математизируема». В данном тексте этой точной оценки будет одинаково справедливой подстановка вместо местоимения «его» имен «Лефевра» либо «Спинозы» в равной мере. И первое и второе будет одинаково верным, хотя речь шла именно о В. Лефевре.

Так в чем же тогда мы можем усмотреть элементы свободы в построениях Спинозы-Лефевра, посвященных детерминированному (у первого) либо вероятностному (у второго) «духовному автомату», моделирующему мысли, поведение и переживания человека? Ответ, как это не покажется странным, в высшей степени парадоксален: *только осознавая свой «автоматизм», заложенный в своем воспитании, опыте и деятельности в определенной культуре и в определённой цивилизации, человек становится способным (поскольку обретает новую ступень ментального развития) освободиться от оков своей «автоматики» (т. е. «несвободы») и обрести новые творческие способности.* Это и есть то самое «рефлексивное освобождение» духа, на которое указывал (в других терминах и по другому поводу) конгениальный В. Лефевру замечательный русский философ и методолог Г. Щедровицкий, а также мудрецы и йогины древней Индии, схимники и аскеты православия.

Именно в этой «фокальной точке», в точке «рефлексивного освобождения» творческого начала человека от своей «духовной автоматики», и сходятся столь разные, на первый взгляд, идеи «аристотельянцев» Спинозы и Лефевра с идеями «платоника» Щедровицкого по поводу способностей человека к осознанию себя самого и осознанию своего собственно-

го осознания (точнейшие квалификативы «аристотельянец» и «платоник» я с благодарностью позаимствовал у А. Левинтова).

Иначе говоря, *«логико-математический» подход в традициях «духовного автомата» Спинозы–Лефевра и «деятельностный подход» в традиции Рубинштейна–Щедровицкого сошлись в одной «фокальной точке» – в глубоком осмыслении феномена рефлексии в контексте более общей «феноменологии духа» и свободы творчества человеческой личности.*

Вместе с тем, математические модели «духовных автоматов» (детерминированных либо вероятностных), как и всякие математические модели такого рода, являются хотя и грубыми, но очень полезными в приложениях конструктами, которые позволяют (в ряде случаев) весьма адекватно и эффективно описывать, анализировать и предсказывать, а также управлять поведением и мышлением индивидуальных либо коллективных субъектов, т. е. осуществлять то, что ныне называется ёмкой синтагмой «рефлексивное управление».

И что интересно, словно следуя мыслям своего великого предшественника Баруха Спинозы, Владимир Лефевр определяет свободу через присущие ей ограничения, каковыми являются в его трактовке предлагаемые им математические модели рефлексивных процессов и систем, а также рефлексивного управления, включая и алгебраические (в т. ч. полиномиальные), которые и составляют «теоретический костяк» его оригинального подхода к теме. Получается нечто вроде «свободы рефлексивного управления в жестких рамках возможного».

В этой связи следует также отметить, что *именно понятие «модели» в широком смысле используется В. Лепским для определения самой рефлексии как моделирования субъектом моделей других субъектов, а также своих собственных моделей поведения и мышления.*

Следует заметить, что всякая по-настоящему эффективная модель чего-либо, на самом деле, может рассматриваться в виде определённой системы сущностных, структурных и параметрических ограничений, снимающих априорную неопределённость и увеличивающих тем самым информированность и управляющую способность исследователя.

В таком контексте свободу можно понимать именно как «осознанную необходимость» в немецкой философии, а саму рефлексию, по большому счёту, – как осознание этой «осознанности». И первым, кто вплотную подошел к такой рефлексивной позиции, был И. Кант. Позже Г. Гегель назовет саму философию «отражением отражения». Хотя, по тому же большому счёту, ее стоило бы назвать «вопрошанием вопрошания».

Интересно также отметить, что великий физик и мыслитель Альберт Эйнштейн был, по сути дела, первым исследователем, который вполне осознанно применил «гуманитарную» рефлексивную методологию в «не-

гуманитарной» сфере точных наук. Перемещая себя последовательно в качестве «идеального наблюдателя» из рефлексивной позиции в одной «системе отсчета» в другую, он получил особую способность теоретического «стереовидения» и осмысления физического парадокса относительности, что завершилось величайшей революцией в физике начала XX века.

Однако, удивительное дело, этот метод умственного перемещения с одной рефлексивной аналитической позиции на другую, а затем ослепительный «выход» и «восхождение» на более высокую синтетическую позицию, так и не был воспринят современными ему мыслителями в качестве особого универсального методологического приёма. Можно утверждать метафорически, что «призрак рефлексивного восхождения» сверкнул молнией инсайта во мраке мучимого парадоксом относительности сознания великого физика и, оставив выдающийся теоретический результат, снова исчез в ночи методологического хаоса.

Аналогичное случилось и с его не менее великим другом и последователем Максом Борном: ему удалось интуитивно аналогичным методологическим приемом «рефлексивного восхождения» охватить единым взглядом «волновую» и «корпускулярную» рефлексивные позиции тогдашней физики, «поднявшись» на новую обобщающую рефлексивную позицию, согласно которой квадрат модуля волновой функции определяет плотность распределения вероятностей положения частицы в фазовом пространстве.

Так были основательно расшатаны позиции пресловутого «принципа дополнительности» Нильса Бора, который утверждал, что волновые и корпускулярные представления принципиально несовместимы и только дополняют друг друга. Введение вероятностной интерпретации волновой механики расставило всё по своим местам. И «волны» и «частицы» предстали в качестве неразлучных компонент единого целого — «события», наделённого особой вероятностной мерой — «мерой бытия».

При этом сам принцип дополнительности, как паллиативное универсальное средство обобщения нашей фрагментарности и неполноты знаний о мире, никак не пострадал. Если не обладаешь единством «стереовидения», приходится довольствоваться «дополнительностью» представлений о мире, выраженной в рефлексивно-дискурсивных операторах нашего языка в стиле «с одной стороны — с другой стороны» (что, к стати, всей душой ненавидел гениальный диалектик К. Маркс).

Однако, снова сверкнув теоретическим инсайтом, «призрак рефлексивного восхождения» опять исчез в методологической ночи, пока не был наконец высвобожден из хаоса блистательной полемикой между В. Лэфевром и Г. Шедровицким. Хотя еще за столетие до них великий отец «Феноменологии духа» Г. Гегель в весьма туманной интерпретации схемы

«тезис—антитезис—синтез» уже заложил основы методологии «рефлексивного восхождения», которую он называл «диалектическим разрешением противоречия».

Нынешние западные философы-постмодернисты (да и наши интеллектуалы—«западники») поспешили объявить труды этого величайшего мыслителя человечества «ошибочными» и «устаревшими». «За нас отстают наши внуки», — гласит восточная мудрость, к которой бы не мешало прис—Восток» восточная мудрость встает на защиту мудрости западной. Потому что истинная мудрость не ориентируется на стороны света — она всесветна, т. е. универсальна.

И кто знает, может быть уже в ближайшем будущем какой-нибудь светлый ум человечества аналогичным методом «рефлексивного восхождения» сумеет объединить пока что в корне противоречащие друг другу «физическую» и «психическую» рефлексивные позиции исследователей по отношению к таинственной феноменологии одновременного единства и несводимости «материального» и «идеального», «мертвого» и «живого». Вполне возможно, что именно таким путем будет создана некая «Единая теория физико-психического поля», которая позволит, наконец, раскрыть ускользающую тайну того, что великий Аристотель называл загадочным словом «чувствилище», а его не менее великие современники, индийские мудрецы — не менее загадочным словом «атман».

РЕФЛЕКСИЯ И ДИСКУРС: ДВА ЛИКА ЕДИНОЙ ФЕНОМЕНОЛОГИИ

Если смотреть на мир с точки зрения различия, то все различно,
если смотреть на мир с точки зрения единства, то всё едино.

Хуайнань-Цзы

...Иль думал, что я думала,
Что думал он — я сплю.

(Из переводов С. Маршака)

Согласно знаменитой «гипотезе лингвистической относительности Уорфа—Сепира», в каждой культуре язык вырабатывается не только в качестве культурно обусловленного средства коммуникации, но прежде всего как специфическое средство фиксации творческого опыта поколений, как средство структурирования вещей, явлений и процессов, а также типичных представлений, ожиданий и установок человека данной культуры относительно окружающей его действительности. И это полностью согласуется с мнением тех антропологов, которые полагают, что человеческий опыт кристаллизуется в культуре лишь только тогда, когда он

обретает символические формы; это, кстати, дало повод Э. Кассиреру весьма удачно парафразировать Аристотеля, назвав человека «символическим животным».

Мы «видим» и постигаем мир через призму наших языка, символики, культурной традиции, через призму нашего воспитания и дискурса. Именно они определяют нашу «рефлексивную оптику» и согласуют наше поведение и мышление среди других людей в собственной культуре. *Феноменология рефлексии находит свое естественное отражение и выражение в человеческой речи, как наиболее привычном и эффективном для нас способе моделирования реальности и средстве коммуникации.* Более того, именно с появлением человеческой речи сознание обрело возможность «схватывания» этой практически неуловимой для нашего непосредственного восприятия феноменологии. Для этого в языке существует необычайно разнообразное и нюансированное особое множество лингвистических конструкций и оборотов речи.

Однако возникает вопрос: а насколько мы сами осознаём эту рефлексивную феноменологию в процессе и контексте собственного дискурса? Ведь быть одновременно вовлечённым и отстранённым от собственного процесса осознания вещей и дискурса о нем — вещь необычайно сложная и чреватая последствиями, как всякое нахождение на пограничной полосе.

Начнем с того, что принято называть «точкой зрения», «взглядом», «позицией» и т. д. В таких случаях мы прямо говорим, что «с такой-то стороны», «с такой-то точки зрения», «в таком-то свете», «в терминах таких-то», «в логике такой-то» и т. д. «имеет место то-то и то-то». При этом мы, по сути дела, достаточно четко осознаём и определяем свои и чужие рефлексивные позиции. Более того, мы можем характеризовать эти позиции различными квалификативами, указывая либо на источник таких взглядов и их характеристики, либо на характер «подхода к теме» и его особенности, выражая тем самым своё и чужое отношение к нему в прямой «буквальной» или в опосредованной образной форме.

В случае рефлексивных систем более высокого ранга мы используем более сложные, на манер русских «матрешек», лингвистические конструкции типа «нам кажется, что они неправы, утверждая, что такие-то полагают, что...», «он прекрасно понимает, что такой-то совсем не осознаёт, что...» и др. При этом мы можем использовать самые разнообразные приемы передачи прямой либо косвенной речи от первого, третьего и даже второго лица, а также другие синтаксические и стилистические формы и способы лингвистического моделирования рефлексивно-дискурсивной феноменологии. Главное — указать последовательность, в которой эти «рефлексивные матрёшки» вложены друг в дружку, исходя из нашей либо чужой рефлексивной позиции.

Предлагаемый ниже рефлексивно-дискурсивный анализ текстов призван обратить внимание читателя на следующие обстоятельства. Возьмем для примера простейший текст, связанный с двумя коллективными субъектами, носителями различных идентичностей (национальных, этнических, конфессиональных, профессиональных и др.): «Эти Игреки считают нас, Иксов, отсталыми, а себя – продвинутыми». Казалось бы в этом «элементарном» тексте-высказывании речь идет всего лишь о каких-то двух коллективных субъектах – Иксах (X) и Игреках (Y), и только.

Однако посмотрим, что у нас получится, если мы более тщательно рассмотрим в текст и вслушаемся в дискурс этих пресловутых «Иксов» с позиции рефлексивно-дискурсивной феноменологии. Перепишем снова упомянутый текст, но уже со специальной рефлексивно-дискурсивной разметкой: «Эти Игреки (Yx) считают нас, Иксов (Xx), отсталыми (Xyx), а себя (Yx) – продвинутыми (Yyx)». В приведенных обозначениях Yx – это образы Игреков в головах Иксов, Xx – это их образы себя в собственных головах, Xyx – это образы Иксов в головах образов Yx, присутствующие в головах Иксов, Yyx – это образы Игреков в головах Игреков в представлении Иксов. Что же у нас получается? А то, что кроме двух коллективных субъектов X и Y мы имеем дело на самом деле еще с целым «выводком» воображаемых субъектов – Yx, Xx, Xyx и Yyx.

Казалось бы, это неожиданное открытие рефлексивно-дискурсивного «размножения субъектов» есть не что иное как лукавое «размножение сущностей», ошибочное отклонение от принципа логического тождества Аристотеля. Однако подобные воображаемые образы субъектов Yx, Xx, Xyx и Yyx становятся угрожающе реальными в случае расовых, этнических либо религиозных и других *идентитарных конфликтов*. *И ясное дело, исследователям и модераторам такого рода конфликтов следует очень внимательно вслушиваться в дискурсы конфликтующих сторон прежде всего с позиций подобного рода рефлексивно-дискурсивного анализа*, чтобы иметь ясное представление о том, что на самом деле «имеется в виду» представителями конфликтующих сторон.

При этом исследователям и модераторам нужно ясно отдавать себе отчет о том, что в общении с ними конфликтующие стороны будут оказывать на них определенное давление и пытаться их использовать в своих интересах – в этом и заключается суть субъектного и интерсубъектного подходов.

При этом модераторы должны ясно понимать, что и в случае абсолютной искренности и частичной обоснованности заявлений участников идентитарного конфликта насчет себя и противоположной стороны, они (модераторы) могут стать жертвами «спасительного» (в смысле психологической защиты) самообмана этих людей, которым очень важно защитить пошатнувшееся в результате идентитарного конфликта чувство

идентичности и собственного достоинства за счёт унижения и презрения «противников».

Вся трагедия заключается в том, что по выражению выдающегося ученика Аристотеля Александра Македонского, *иллюзии, поселившиеся в головах людей, становятся со временем суровой реальностью*. Отсюда понятно, как важно тонкое понимание рефлексивно-дискурсивной феноменологии при анализе речи, поведения, мышления и переживаний людей, участвующих в идентитарных конфликтах, для выработки адекватных и эффективных стратегий их сдерживания и разрешения. Потому, что эти «воображаемые» субъекты суть такие же активные участники во взаимодействиях и конфликтах как и сами реальные субъекты.

ИНТРОСПЕКТИВНЫЕ ЭТЮДЫ: ИЗ ОПЫТА «РЕФЛЕКСИВНЫХ ВОСХОЖДЕНИЙ»

Упаси нас, Алмазный Будда,
родиться в эпоху перемен!

(Китайская народная поговорка)

Характер научных публикаций таков, что в свет выходят только результаты творчества исследователей, тогда как само их творчество, независимо от масштабов их личностей и результатов, остается «за кадром» их статей. Однако именно тема данной статьи и демократичность издателя подвигли меня переступить через это негласное академическое «табу».

После развала нашего общего Отечества военно-промышленный комплекс предприятий и институтов в Молдове приказал долго жить. Огромное количество инженеров и исследователей оказалось на улице, многим пришлось сменить профессиональную ориентацию. Поэтому мне, доктору технических наук, специалисту в области теории информации и теории вероятностей, математической лингвистики и систем искусственного интеллекта также пришлось изменить научное поприще, сменить «физику» на «лирику», т. е. приобщиться к гуманитарным наукам — культурологии, психологии, экономике и др.

Большое впечатление произвела на меня встреча в Москве в 1998 году с замечательной творческой личностью, Владимиром Лепским, а затем, спустя несколько лет, и с его знаменитым учителем — Владимиром Лефевром. Так я «заразился» окончательно «рефлексивной» тематикой и методологией. Похоже, на всю оставшуюся жизнь.

В том же 1998 году, а затем и в последующем 1999-м мне удалось (при тогдашней нищете) провести в Кишинёве две международные конференции в области информационной безопасности, в которых неиз-

менными участниками были профессора В. Лепский и Д. Черешкин, за что наша молдавская научная общественность им премногим обязана до сих пор. Москвичи задали высокие стандарты научных требований и самих исследований, поддержали нашу пошатнувшуюся веру в необходимость научных исследований в столь несчастливые для науки времена.

Но и наш совместный опыт не прошел даром – именно с этой поры Владимир Лепский решил оформить и возглавить международное междисциплинарное «рефлексологическое» научное движение и, к его чести, ему удалось объединить совместные усилия ученых России, США, Канады, Украины, Молдовы и других стран в этом устойчиво развивающемся направлении теоретических и прикладных исследований. Именно сейчас, когда Россия и Молдова становятся на путь модернизации, такого рода исследования приобретают, вопреки бюрократической инерции и тугодумию чиновников от науки, новый смысл и новое значение.

Осознав «рефлексивную феноменологию», я начал упорно исследовать ее основы и адекватную ей методологию. Огромное значение для всех нас приобрели научные семинары и конференции в этой области, и особенно международный журнал «Рефлексивные процессы и управление» под редакцией того же неукротимого Владимира Лепского, который оказал мне большую честь представлять в редколлегии этого уникального научного издания мою родину, Молдову. Это ко многому обязывало.

С методологией «рефлексивного восхождения» мне пришлось лично столкнуться лицом к лицу не один раз. Расскажу о некоторых наиболее впечатляющих моментах.

В декабре 2001 года в первом номере вышеуказанного журнала вышла наша совместная с Борисом Бириштейном статья, озаглавленная «Теория рефлексивности Джорджа Сороса – опыт критического анализа», которая только после начала глобального экономического кризиса в 2008 году приобрела неожиданную международную известность. Профессора экономики С. Р. Kwong из Университета Гонконга, москвич В. Юсим из «Плехановки», А. Тихонов из Академии управления при Президенте Республика Беларусь (Минск) и др. отмечали: эта статья оказалась пионерской работой, в которой авторы математически строгими методами впервые показали, что математическая модель, предложенная Соросом оказалась весьма плодотворной. Более того, они отметили, что наш подход к ее адекватной математической экспликации и интерпретации показал возможности и условия протекания основных сценариев экономической динамики: устойчивого развития, экономической «аритмии», взрывного роста, катастрофического спада и др. Профессор С. Р. Kwong четко указал на то, что основной заслугой авторов является осуществление ими перехода от обычной формы представления «когнитивной» и «воздействующей»

щей» пары функций, определяющих течение процессов на финансовых и фондовых рынках, к рекурсивной форме их представления. И именно это стало прорывом в математическом моделировании экономических процессов в их динамике.

Как состоялось это столь долго не востребованное открытие? Будучи по первоначальному институтскому образованию радиотехником, я навсегда запомнил, как другой изначальный радиотехник, гувернер Национального банка Молдовы Леонид Талмач рассказывал мне о своих методах регулирования котировок национальной валюты, в которых он использовал в качестве аналогов принципы автоматического регулирования электрических процессов в магнитофонах (!), которые он в качестве радиолоубителя собирал в городе моего детства Бельцах «на заре туманной юности».

И вот, в который раз пытаюсь «оживить» безусловно интересную, но «неработающую», «рефлексивную» модель Сороса, я решил употребить метод «рефлексивного выхода», который я уже тогда называл методом «рефлексивного восхождения», делая упор не только на освобождении себя от оков своей «духовной автоматики», но и на «рефлексивный подъем», о котором писал Г. Щедровицкий. Освобождённая во мне душа исследователя начала упорное поисковое «блуждание» по другим, ранее освоенным мною рефлексивным позициям. И тут я вспомнил о «радиотехническом» подходе Л. Талмача к задачам финансового регулирования валютного рынка Молдовы... Меня осенило: «Да это же обратная связь (feedback), но только еще не представленная в рекурсивной форме! Да я же лекции студентам читал на эту тему!» Далее все было, как говорится, «делом техники». И это был первый, однако очень важный для меня опыт успешного «рефлексивного восхождения», потому что удача — мать стимулирования.

К счастью, на следующий год В. Лепский переиздал том с нашей статьей на английском языке — благодаря чему с ней познакомились не только профессор В. Юсим и русскоязычные экономисты, но и профессор С. Р. Kwong и другие представители мировой экономической науки. И семь лет спустя после публикации, в момент мирового кризиса, эта статья, наконец, «выстрелила», чем несказанно удивила меня и моего канадского соавтора. Оказывается, на самом деле, «рукописи не горят»! Не горят, если они попадают под попечительство таких поистине подвижников России, как профессор В. Лепский.

Второй значительный для меня опыт «рефлексивного восхождения» я приобрел при работе над статьей «Стратегемы рефлексивного управления в западной и восточной культурах», опубликованной так же совместно с Б. Бирштейном в следующем томе журнала «Рефлексивные процессы и управление» в 2002 году. Ныне эта статья вошла в десятки электронных библиотек и интернет-каталогов как рекомендуемая для изучения «клас-

сика» для психологов, менеджеров, аналитиков и др. представителей гуманитарных наук и практик. В чём здесь заключался мой опыт «рефлексивного восхождения»?

Эту трудноуловимую для сетей научного знания весьма специфическую тематику разнообразных уловок, хитростей и «схем» в экономике, политике и военном деле я часто обсуждал со своими друзьями-бизнесменами Василием Тудосом (Молдова) и Борисом Бирштейном (Канада), ныне доктором и профессором философии и экономики, бывшим гражданином СССР. Я хорошо знал восточную (Китай, Япония, Корея, Сингапур и др.) традицию «ментальных боевых искусств» в стиле «замани его выгодой и отвадь вредом» (Сунь-цзы), а мои собеседники были и остаются до сих пор истинными знатоками наших отечественных, а также американских и западноевропейских теневого и «серых» экономических и политических «схем». Однако обобщить всё это невероятное многообразие «сравнительно честных схем» в культурах Запада и Востока мне удалось только после того, как я познакомился с трудами В. Лефевра и В. Лепского, посвященных «рефлексивному подходу» к подобного рода «проблематике хитроумия». *Это был тот редкий случай, когда я совершил «рефлексивное восхождение» непосредственно через глубокое осознание самого феномена рефлексии как такового.*

Были и другие опыты «рефлексивного восхождения» — и на поприще собственно научных исследований, и на дипломатическом поприще (с 2002-го по 2006-й я был послом Молдовы в Китае — вот уж где я прошел настоящие «высшие курсы китайских стратагем!»), и в политологии, и в культурологии, и в публицистике. Но это уже сюжеты для других рассказов.

Главное, что я понял из своего опыта участия в «рефлексивном движении» — человек, вставший на тропу «рефлексивного восхождения», становится способным жадно абсорбировать, интегрировать и осваивать творческий опыт самых различных научных направлений, школ мысли, культур и цивилизаций. За что я премного благодарен моим учителям и коллегам по международному «рефлексивному движению».

ТЕОРЕТИЧЕСКОЕ ОТСТУПЛЕНИЕ: ИНФОРМАЦИОННО-СВЯЗАННЫЕ РЕФЛЕКСИВНЫЕ ПРОЦЕССЫ И СИСТЕМЫ, СИСТЕМЫ С РЕФЛЕКСИВНЫМ ПРЕДВИДЕНИЕМ И ПРЕДСКАЗАНИЕМ

Я оглянулся посмотреть —
Не оглянулась ли она,
Чтоб посмотреть —
Не оглянулся ли я.

(Из популярной песенки)

Принцип информационной связности заключается в следующем: *источники и приёмники информации в рефлексивной системе должны образовывать коммуникативно-связанные цепи*. В противном случае информационная структура системы распадается на ряд разрозненных подсистем, которые лишены реального взаимодействия и работают, образно говоря, «в разнотой», по принципу «кто в лес, кто по дрова».

Для описания состояний рефлексивных систем и процессов осознания в этих системах В. Лефевр предложил систему полиномов, которые мы в дальнейшем будем называть его именем — «полиномы Лефевра», «операторы сознания», с помощью которых эти системы переходят из одного состояния в другое — «операторами Лефевра».

Мономы («слагаемые») в полиномиальной нотации Лефевра, согласно его определению, имеют следующую интерпретацию. Базовый «моном» T — трактуется им как некий «плацдарм» (в дальнейшем этот символ T стал обретать более широкие и универсальные прикладные толкования — как некая «ситуация», «управляемый объект», «предмет», «проблема», «тема», «учение», «символ веры», «действие» и даже такие как «исследуемый субъект», «Божество» и т. д.), символами X , Y , Z и т. д. (мажускулами) обозначаются только взаимодействующие субъекты, а символами x , y , z и т. д. (минускулами) — элементы, образующие полиномы и операторы Лефевра. Рефлексивный моном Tx трактуется В. Лефевром как « T с позиций субъекта X », Txy — как « Tx с позиций субъекта Y », $Txyz$ — как « Txy с позиций субъекта Z » и т. д. Txx , например, можно трактовать как « Tx с более высокой рефлексивной позиции субъекта X », которому захотелось проверить или перепроверить свои собственные представления (образы, впечатления, модели) Tx о ситуации T , иначе говоря, «посмотреть на свои взгляды со стороны».

В этих примерах моном Tx получается умножением T на элемент оператора x , Txy — умножением Tx на элемент оператора y , $Txyz$ — умножением Txy на элемент оператора z , Txx — повторным умножением Tx на x и т. д.

Исходя из этих построений, казалось бы, достаточным условием для установления информационной связности рефлексивных процессов в системе в нотации Лефевра является введение простого критерия: у каждого монома $T\alpha$ в полиноме Лефевра должен быть прообраз $T\beta$, т. е. моном отличающийся от исходного монома только тем, что его цепочка минускул β не содержит последнего символа, присущего цепочке α (ясно, что у «монома» T прообраза быть не может — он и есть главный источник исходной информации в системе). Например, для монома $Txyz$ ($\alpha = xyz$) прообразом является моном Txy ($\beta = xy$) и т. д. Чтобы понять недостаточность такого подхода для изучения свойства информационной связности рефлексивных процессов и систем, обратимся к примерам.

У Лефевра рассматривается простейший (но очень важный для анализа теории игр) полином вида:

$$\Omega = T + T_x + T_{yx} = T(1 + x + yx),$$

порождаемый оператором осознания:

$$\omega = 1 + x + yx.$$

Рассмотренный выше критерий информационной связности в данном важном примере «не работает» — у монома T_{yx} нет прообраза T_y в полиноме Ω . Откуда же тогда у субъекта X имеется модель T_{yx} — « T_y с позиций X »? Ответ простой, и он прямо вытекает из рассуждений Лефевра — субъект X ментально «имеет в виду» представления субъекта Y об игровой ситуации T . Иначе говоря, он имитирует рассуждения своего партнёра Y , он «думает за того парня». Но, к сожалению, в системе полиномов и операторов Лефевра этот канал информационной связности никак не просматривается — именно поэтому этот, казалось бы, совершенно логичный критерий информационной связности в данном случае «не сработал».

Выход один — такого рода каналы информационной связи должны быть каким-то образом представлены в явном и более разнообразном виде. Иначе говоря, одних полиномов и операторов в нотации Лефевра недостаточно для представления информационно-связанных рефлексивных процессов и систем. Как эти представления можно расширить, включив в рассмотрение моделирование «мышления за того парня»? Попробуем разобраться и ввести расширенную нотацию.

Что необходимо субъекту X для получения информации о результатах предполагаемых им размышлений субъекта Y ? Во-первых, иметь представление об этом субъекте и его ментальности в виде модели (образа) Y_x . Во-вторых, иметь представление T_x о ситуации T , подобной (по его представлениям, ложным либо верным) той, которой может обладать его партнер по игре. Имея исходную информацию, представленную нами в виде T_x и Y_x , мы получаем искомые информационно связанные «источник» и «приемник» (он же и «обработчик») информации. Их наличие позволяет субъекту X методом имитации более или менее верно, но с полным соблюдением принципа информационной связности, получить искомую модель (образ) T_{yx} , что можно представить в операциональной форме:

$$T_{yx} = T_x \bullet Y_x,$$

где

$$T_x = T \bullet X, \quad Y_x = Y \bullet X,$$

● — символ «операции осознания», слева от него — «осознаваемое», справа — «осознающий». В выражении для T_{yx} «осознающим» является образ партнера Y_x в голове игрока X . При этом субъект X может производить имитацию двумя способами — либо «отстранённо», либо «встав на его место». В любом случае мы имеем дело с «рефлексивным предвидением».

Несмотря на то, что в данном полиноме Лефевра моном Tx наличествует, а моном Yx находится «за кадром» этого полинома, мы можем смело утверждать, что принцип информационной связности в данной рефлексивной системе тем не менее соблюден и содержательно и формально — все источники и приемники (они же «обработчики») информации образуют связанное множество.

Чтобы охватить то, что «за кадром», мы вынуждены расширить нотацию Лефевра. В нашем примере в расширенной нотации это будет выглядеть так:

$$\Omega = T+X+Y+Tx+Yx+Tux.$$

Кстати говоря, этот полином имеет еще одно очень важное прикладное значение: он отражает и тот случай, когда субъект X может предвидеть представления субъекта Y о ситуации T ещё до того (!) как тот обратит на неё свое внимание. А это позволяет моделировать системы рефлексивного взаимодействия и управления с рефлексивным предсказанием и рефлексивным предвидением на основе информационной связности.

Итак, с информационной связностью мы разобрались, причём у монома Tux в этом случае оказались сразу два «прообраза» — Tx и Yx , т. е. « Tx и Yx в голове X ».

Но главное даже не в этом: кроме обычной формы «прямого осознания»:

$$Tux(1) = Ty \bullet X = (T \bullet Y) \bullet X -$$

мы обнаружили вторую форму, форму «опосредованного осознания», которая отражает и выражает «мышление за другого парня»:

$$Tux(2) = Tx \bullet Yx = (T \bullet X) \bullet (Y \bullet X),$$

что позволяет нам так же моделировать предвидения и предсказания субъектов.

Что это нам дает в дальнейшем? А хотя бы то, что уже для мономов с цепочкой длины равной трем, идя этим путём, мы получаем в соответствии с этим подходом восемь (!) возможных информационно связанных способов их реализации в системе из трёх субъектов. Для монома $Tuxz$, например, ими являются формы:

$$Tuxz(1) = ((T \bullet Y) \bullet X) \bullet Z,$$

$$Tuxz(2) = ((T \bullet X) \bullet (Y \bullet X)) \bullet Z,$$

$$Tuxz(3) = ((T \bullet Y) \bullet Z) \bullet (X \bullet Z),$$

$$Tuxz(4) = ((T \bullet Z) \bullet (Y \bullet Z)) \bullet (X \bullet Z),$$

$$Tuxz(5) = ((T \bullet X) \bullet Z) \bullet ((Y \bullet X) \bullet Z),$$

$$Tuxz(6) = ((T \bullet Z) \bullet (X \bullet Z)) \bullet ((Y \bullet X) \bullet Z),$$

$$Tuxz(7) = ((T \bullet X) \bullet Z) \bullet ((Y \bullet Z) \bullet (X \bullet Z)),$$

$$Tuxz(8) = ((T \bullet Z) \bullet (X \bullet Z)) \bullet ((Y \bullet Z) \bullet (X \bullet Z)).$$

Форме $Tuxz(1)$ соответствует элементарная (и наиболее часто встречающаяся) реалія последовательной передачи информации от T , через Y

и X , к Z . А вот форма $Tuxz$ (8) отражает максимально «опосредованный» способ осознания субъектом Z монома $Tuxz$: в качестве исходных источников информации он имеет только лишь непосредственную информацию о ситуации T (в виде $Tx = T \bullet X$) и о субъектах X (в виде $Xz = X \bullet Z$) и Y (в виде $Yz = Y \bullet Z$). Комбинируя образы Tz и Xz , он получает модель (образ) ситуации $Txz = Tz \bullet Xz$, комбинируя Yz и Xz – образ субъекта $Yxz = Yz \bullet Xz$, и только комбинируя последние он получает окончательную модель $Tuxz$ (8) = $Txz \bullet Yxz$.

Однако, если в первом случае $Tuxz$ (1) на самом деле есть « Tux с позиции Z », где Tux – « Tu с позиций X », а Tu – « T с позиций Y », т. е. – «строго по Лефевру», то в случае $Tuxz$ (8) такая трактовка становится уже неадекватной. В данном случае $Tuxz$ (8) уже есть « Txz с позиций Yxz », где Txz есть « Tz с позиций Xz », а Yxz есть « Yz с позиций Xz », Tz есть « T с позиций Z », Xz есть « X с позиций Z », а Yz есть « Y с позиций Z ». Точно так же остальные случаи с $Tuxz$ (2) по $Tuxz$ (7) порождают совершенно отличные содержательные и вербальные трактовки по отношению к «классической» трактовке Лефевра, которой здесь соответствует только простейший «цепочный» случай $Tuxz$ (1), когда информация о T передается «от субъекта к субъекту».

Заметим, что в случае $Tuxz$ (8) субъект Z продельвает ментальную работу по рефлексивному предсказанию образов Txz , Yxz и $Tuxz$ *независимо от того, имеются в системе их «прямые прообразы»* Tx , Yx и Tux либо их нет. Последнее означает, что минимальный информационно-связанный полином, содержащий в себе моном типа $Tuxz$ (8), имеет следующий вид (в расширенной нотации):

$$\Omega = T+X+Y+Z+Tz+Xz+Tyz+Yxz+Tuxz.$$

Этот полином ясно показывает, что только половина его рефлексивных мономов (Tz , Xz и Yz) связана с непосредственным осознанием субъектом Z окружающей его реальности в виде ситуации T и субъектов X и Y . Остальная половина рефлексивных мономов (Txz , Yxz и $Tuxz$) относится к «имитационной рефлексии», т. е. связана с работой исключительно собственного воображения субъекта Z , образно говоря, с его «мышлением за тех парней». Попросту говоря, вся «рефлексивная часть» данного полинома есть исключительно порождение менталитета субъекта Z , причем основанное на более или менее объективных данных о T , а также о субъектах X и Y .

В случае $Tuxz$ (1) минимальный информационно-связанный полином будет иметь вид:

$$\Omega = T+X+Y+Z+Tu+Tux+Tuxz,$$

в котором каждый моном имеет свой прообраз. Этот полином чем-то напоминает схему «испорченного телефона», в котором информация о собы-

тии Т передается последовательно по «цепи» от субъекта к субъекту, в духе знаменитых арабских «иснад», в которых добросовестный рассказчик обязан перечислить слушателям всю цепь «передатчиков» повествоваемого. Иначе он рискует обрести репутацию фантазера или лжеца.

Подставьте вместо символов X, Y и Z любые другие, и вы убедитесь в сравнительной универсальности этой системы формул для случая Та с длиной цепочки α равной трем. Пользуясь этим подходом, упорный читатель может получить все возможные информационно-связанные реализации рефлексивных процессов и для цепочки α длины четыре. Их будет уже 96 (!). *Вот какое неожиданное и могучее разнообразие информационно-связанных рефлексивных процессов порождает «мышление за того парня».*

Что же касается весьма интересного положения В. Лефевра о том, что *рефлексивное управление может быть истолковано в качестве особого способа получения информации об управляемом партнёре*, то здесь надо сделать одно существенное замечание.

В. Лефевр приводит следующий решающий аргумент: «X получает информацию Y, поскольку он сам ее в него заложил». По этому поводу имеется весьма ироничная русская народная присказка: «Дуракам закон не писан, если писан, то не читан, если читан, то не понят, если понят, то не так», т. е. это намек: *в том, что эта «закладка» информации в мозг субъекта Y произошла, субъект X должен ещё убедиться*, получив для этого дополнительную информацию. *И только тогда можно считать, что рефлексивное управление состоялось и как способ получения информации управляющим субъектом об управляемом субъекте.* Более того, в случае провала рефлексивного управления субъект X рискует сам оказаться жертвой либо собственных иллюзий, либо встречной «информационной атаки» со стороны субъекта Y.

Однако в этом смысле и «мышление за того парня» также не может трактоваться как некий надёжный способ получения информации субъектом X о том, что творится либо что может сотвориться в голове субъекта Y. По любому, степень адекватности предвидения «мыслящего за того парня», а также «рефлексивно управляющего этим парнем» субъекта, естественно, будет существенно зависеть от многих предвиденных и непредвиденных обстоятельств и, прежде всего, от информированности и проницательной способности мыслящего субъекта.

И тем не менее, *оба эти пути — «имитация» и «закладка» — являются на самом деле весьма эффективными способами получения информации о мышлении субъектов, которые находятся за определенными информационными барьерами, в том числе и за барьерами времени.*

Как видно на этих примерах, «информационная мощь» рефлексивного и рефлексивно-дискурсивного подходов далеко не исчерпана: заве-

са тайн над структурами обработки рефлексивной информации только начинает приоткрываться.

Надеемся, что такая формализация рефлексивной и рефлексивно-дискурсивной феноменологии будет способствовать также ее внедрению в технологиях компьютерного имитационного моделирования в рефлексивных системах искусственного интеллекта и даже в компьютерных играх. Ведь, как утверждал мудрейший Иохан Хейзинга: «Культура начинается с игры». Создатель теории игр Джон фон Нейман был того же мнения.

ОТ СТРУКТУРЫ К КОЛИЧЕСТВУ: ЧИСЛЕННЫЕ ОЦЕНКИ ПОЗИТИВНЫХ И НЕГАТИВНЫХ АТТИТЮДОВ В КУЛЬТУРАХ И ТОЛПАХ

В начале была Единица.

Лао-цзы

Что способствует сближению, единению людей в толпах и в культурах, а что обратному?

Французский социопсихолог Гюстав Лебон и русский психиатр Владимир Бехтерев скрупулезно и глубоко изучили поведение людей в толпе и само поведение толп. Ими был обнаружен феномен «психического заражения» человека в толпе, приводящий к «слову» обычных морально-нравственных запретов и ориентаций, свойственных обычному поведению людей в культуре. Однако помимо эффектов «психического заражения» существуют и другие психологические «механизмы», связанные с «духовной автоматикой» коллективно взаимодействующих субъектов, которые впервые вывел и системно представил в «теоремах» своей гениальной «Этики» Барух Спиноза.

Если представить ряд его открытий в современной форме, используя изложенные выше методы анализа рефлексивных и рефлексивно-дискурсивных процессов и систем, то мы имеем возможность продолжить его знаменитый «геометрический» (а на самом деле — логический) метод средствами современной математики.

Пусть даны два субъекта — X и Y, а также «символ» T, представляющий собой некие культурно обусловленные «веру» либо «идентичность», учение либо харизматическую личность, некое модное философское течение, либо дизайнерское решение, символическое событие или действие и т. д. Неважно что, главное, чтобы этот культурный «символ» вызывал влечение или отвращение, любовь или ненависть, короче, вызывал бы полярные — позитивные либо негативные аттитюды (эмоциональные отношения, чувства, установки и др.) — у наших субъектов (индивидуальных либо коллективных).

Представим соответствующий изучаемому нами случаю информационно-связанный полином в расширенной нотации:

$$\Omega = T+X+Y+T_x+Y_x+T_{yx}+X_{yx}+T_y+X_y+T_{xy}+Y_{xy},$$

где T_x – это «Т с позиций X», Y_x – это «Y с позиций X», T_{yx} – это «Ту с позиций X», X_{yx} – это «Ху с позиций X», т. е. «каким видит себя X в голове у Y», и т. д. Остальные мономы трактуются аналогичным образом. Это случай, когда оба субъекта имеют представления друг о друге, а также о представлении «символа» партнёром. Более того, эти представления информационно связаны.

Введем функцию «сигнатуры» (знака) Ψ , которая ставит каждому рефлексивному моному из Ω положительный (+1) либо отрицательный (-1) знаки в зависимости от того, какой «полярности» могут быть attitudes субъекта, к которому относится данный моном. Например, $\Psi(X_{yx}) = -1$ будет означать, что субъекту X совершенно не нравится каким его представляет себе (по мнению того же X) этот «мерзкий» ($\Psi(Y_x) = -1$) субъект Y, а $\Psi(T_x) = +1$ будет означать, что тот же субъект X с обожанием относится к «символу» T (точнее, к его образу T_x у себя в голове) и т. д.

Теперь, в полном соответствии с некоторыми положениями трактата «Этика» Спинозы, мы можем эксплицитно выписать ряд уравнений в переменных Ψ в нашей «алгебре attitudes» для данного полинома:

$$\Psi(T_x) \Psi(T_{yx}) \Psi(Y_x) = +1, \quad (1)$$

$$\Psi(Y_x) \Psi(X_{yx}) = +1, \quad (2)$$

$$\Psi(T_y) \Psi(T_{xy}) \Psi(X_y) = +1, \quad (3)$$

$$\Psi(X_y) \Psi(Y_{xy}) = +1. \quad (4)$$

Эти уравнения на самом деле адекватны ряду положений Спинозы. Например, положение «Если некто (X) воображает, что кто-то (Yx) ненавидит ($\Psi(T_{yx}) = -1$) предмет его любви ($\Psi(T_x) = +1$), то он этого субъекта (Yx) начинает ненавидеть ($\Psi(Y_x) = -1$)» находится эксплицитно в полном согласии с уравнением (1):

$$\Psi(T_x) \Psi(T_{yx}) \Psi(Y_x) = +1x - 1x - 1 = +1.$$

Положение «Если некто (X) воображает, что кто-то (Yx) ненавидит его ($\Psi(X_{yx}) = -1$) без видимых причин для этого, то он начинает этого (Yx) ненавидеть ($\Psi(Y_x) = -1$)» эксплицитно соответствует уравнению (2):

$$\Psi(Y_x) \Psi(X_{yx}) = -1x - 1 = +1.$$

Точно таким же образом эти уравнения удовлетворяют и ряду других положений великого психолога и мыслителя начала эпохи Просвещения.

Обратим особое внимание: мы использовали здесь наш метод рефлексивно-дискурсивной разметки анализируемых текстов «теорем» Спинозы, чтобы точно эксплицитировать приведённые положения в символах «полиномиальной алгебры» Лефевра и нашей «алгебры attitudes».

Эта «алгебра» весьма проста и поэтому достаточно только запомнить, что умножение переменной Ψ (...) на себя саму во всех случаях дает +1. Вот и вся «премудрость», а в остальном все как в «обычной» алгебре. Все проблемы моделирования сводятся, по сути дела, к составлению подобных уравнений (математической экспликации), а также их адекватной интерпретации. Здесь нам приходит на помощь гений Спинозы плюс наш собственный опыт и здравый смысл. Заметим, что для моделирования других аналогичных задач с большим чем два числом субъектов, достаточно применить соответственно большее количество уравнений подобного типа с различными дополнительными условиями.

Так что же нам дают уравнения такого типа, в частности система (1)–(4)? Представим, что у субъектов X и Y имеются адекватные представления о представлениях друг друга. В этом случае мы эксплицитно пишем пару равенств:

$$\Psi(T_{Xx}) = \Psi(T_{Yy}), \Psi(T_{Xy}) = \Psi(T_{Xx}).$$

Умножая друг на друга левые и правые части уравнений (1) и (3), а также делая подстановки в полученном после этого уравнении в соответствии с последними двумя «равенствами адекватности» (помня, что умножения переменных на самих себя дают +1), мы получаем следующее равенство:

$$\Psi(Yx) = \Psi(Xy).$$

А оно выражает нечто весьма интересное: *адекватно «воображающие» представления о себе и другом субъекты могут либо взаимно ненавидеть, либо взаимно симпатизировать друг другу. Tertium non datur!* Такого, что бы в этих условиях один другого любил, а тот его ненавидел – не получается. Любовь и ненависть тут взаимны. Если имеется взаимная антипатия субъектов по поводу «символа» T, то это «автоматически» означает, что их аттитюды к этому «символу» взаимно противоположны, если же имеет место взаимная симпатия – значит, они имеют одинаковую «сигнатуру», положительную либо отрицательную.

Если же мы будем понимать под X и Y пару коллективных субъектов, а под T – некий «символ идентичности», то, в зависимости от характера отношений коллективных субъектов к данному символу, мы получаем математическую модель, которая эксплицирует условия либо идентитарного единения и общности участников через разделение (принятие) ими одинаковых ценностей в культуре, либо совместное неприятие ими чуждых им ценностей, а также образа «общего врага» или общей угрозы. И совсем не случайно глагол «разделять» (to share) рядом североамериканских культурологов рассматривается в качестве краеугольного слова, лежащего основаниях самого понятия «культура».

Эта же система уравнений эксплицирует условия зарождения взаимной ненависти участников идентитарного конфликта в случае их противоположных отношений к данному «символу идентичности». В этой связи не надо забывать, что и созидание и разрушение (революции и войны) имеют в своих началах не только меркантильные интересы, но и культурно обусловленные отношения к самим символам культуры. Ведь, по большому счету, разрушение символов культуры также является символическим, т. е. культурно (!) обусловленным актом. Иначе говоря, «контркультура» порождается самой культурой, и в этом заключается великая трагедия исчезнувших культур и цивилизаций. Именно «символические атаки» (разрушение и осквернение святынь) наиболее болезненно воспринимаются в цивилизованных сообществах.

Но вернемся к психологии наших коллективных субъектов с позиции «алгебры аттитюдов». Конечно, вся эта «математика» справедлива, если только мы берем во внимание соответственные положения Спинозы для условий, когда в отношения между субъектами не вторгаются другие факторы либо их действие не является существенным. Однако *в толпе (заметьте, в толпе!) все эти другие факторы отключаются и она в едином порыве кричит «Ура!» или «Долой!»*, чему также эксплицитно соответствуют приведенные математические результаты, вытекающие из этих положений великого философа и психолога.

К объяснению эффекта взаимного «психологического заражения» в толпе он фактически подошёл на несколько столетий раньше, чем Г. Лебон и В. Бехтерев. Далее речь пойдёт о том, что *в толпе, охваченной единодушием, эффект взаимной симпатии участников по поводу отношения к данному «символу» (для них крайне позитивному либо крайне негативному) усиливается посредством дополнительного канала межличностного контакта*. Он выражен у нас парой уравнений (2) и (4), эксплицитно соответствующих этому каналу в концепции Спинозы.

В случае позитивного взаимного восприятия участниками друг друга из этих уравнений при тех же условиях адекватности следует еще один весьма важный результат:

$$\Psi (Y_{xy}) = \Psi (X_{yx}) = +1.$$

Это означает, что *действие первого, «символического» канала в условиях всеобщего обожания либо всеобщей ненависти к «символу» в толпе одновременно дополняется усиливающим действием второго, «межличностного» канала, в котором каждый участник чувствует, что он симпатизируем и защищен другими*. Отсюда и эффект «психического заражения», массового единения в эйфории, монomanии и «безбашенности». *Происходит взаимоусиливающаяся и взаимоподдерживающаяся по обеим «психическим» каналам тотальная эмоциональная коллективная обратная связь (feedback)*.

Связь, которую могут разорвать разве только шок, порождающий гибель этой коллективной «духовной автоматики», либо психическое истощение.

Из всего этого следует теоретически весьма убедительное модельное объяснение того подсознательного «духовного автоматизма», который заставляет «болельщиков» (воистину людей подверженных «психическому заражению»!) собираться в «тусовки» и тратить время на бесконечные обсуждения перипетий любимой ими команды (спортивной либо политической) — *именно этот механизм совместного действия «символического» и «межличностного» каналов стимулирует усиленную выработку наркоподобных веществ психическими структурами коллективного организма, ответственные за обеспечение коллективных эйфорических состояний.* Так происходит самоорганизация толп и «тусовок» в виде особой «коллективной духовной автоматики», включающей как филогенетические (hard), так и культурогенетические (soft) психические структуры.

Точно такие же информационно связанные и самоусиливающиеся механизмы самоорганизации работают и в случае толп, охваченных всеобщей ненавистью и чувством мести — включаются другие группы нейронов и, наверняка, другие химические вещества, но наблюдается то же стремление к совместной эйфории и «духовной наркоте», усиленное эффектами самоорганизации и самоусиливающейся обратной связи. И спастись от этой «духовной автоматики» и коллективной «наркомании» невозможно без ее осознания, без соответствующего «рефлексивного восхождения» к свободе и свободному творчеству, требующих огромных волевых усилий и соответствующего информационного и методологического обеспечения.

Из более сложных комплексов уравнений типа (1)–(4) можно вывести также знаменитые в когнитивной психологии «треугольники Хайдера» и многое другое, если покопаться поглубже. Особенно в случаях «мышления за того парня», включающих процессы рефлексивного предсказания и предвидения.

Остаётся надеяться, что и в других задачах подобного рода эксплицитные уравнения, иного вида, — с другими переменными и с другой интерпретацией, — могут помочь в описании, понимании, предсказании и рефлексивном управлении соответствующих установок, чувств и эмоций индивидуальных и, главное, коллективных субъектов. Пожалуй, это особенно важно в нашу тревожную эпоху местных и глобальных кризисов, массовых иллюзий и помешательств, неоправданной эйфории, самопорождающихся фобий и самоубийственного отчаяния, а так же самосбывающихся (self-fulfilling) и самонесбывающихся (self-nonfulfilling) ожиданий и пророчеств.

ВМЕСТО ЭПИЛОГА: СТРАТЕГИЯ СВОБОДЫ

Но кто вникает в закон совершенный,
закон свободы, и пребудет в нем...
блажен будет в своем действовании.

(Послание Иакова, 1: 24)

«Сон разума рождает чудовищ», — написал на одном из офортов в своих бессмертных «Капричиос» гениальный Франсиско Гойя. «Разум, наделенный пониманием важности самопознания, рождает свободу» — говорят мудрецы Востока и Запада. Прислушаемся к их мудрым голосам.

Сейчас и в России, и в Молдове много говорят и пишут о модернизации и инновационном подходе. Однако не стоит забывать о необычайно верной мысли булгаковского профессора Преображенского, которая сводится к тому, что разруха в государстве начинается с «разрухи в головах». Отсюда следует, что все методы и подходы хороши для *модернизации и инновации прежде всего самих творческих субъектов через развитие у них не только целеполагающей мотивации творческой деятельности, но и через стимуляцию у них ценностно-ориентированного отношения к символам своего отечества и к другим символам солидарности в своей культуре, а так же к статусу собственного творчества*. Ценности всегда предшествуют целям (интересам), в противном случае последние превращаются в бессмысленные аттракторы того, что библейский Экклезиаст называл одним словом — «хебел» (суета, тщета).

И никак нельзя забывать о том, что только рефлексивный выход из своего «духовного автоматизма» способствует свободе совершенствовать свою культурно обусловленную «духовную автоматику». Потому что *без соответствующего «духовного обеспечения» любая модернизация и инновация грозят обернуться очередным прожектёрством и электоральной маниловщиной*.

К сожалению, безграничного времени на такие «духовно не обеспеченные» эксперименты в государственном масштабе у наших народов, попросту говоря, в наличии не имеется. В этом смысле время «работает» против нас, против нашей общей культуры. Именно поэтому для нас всех так *важны срочная разработка и внедрение программы социогуманитарного обеспечения в контексте программы модернизации России*.

Иначе говоря, идея модернизации России неотвратимо связана с необходимостью обеспечить и мобилизовать все возможные материальные, организационные и интеллектуальные силы страны для спасения ее телесной и духовной культурной сущности, ее идентичности, ее свободы, ее прошлого, настоящего и будущего.

В вашем спасении не только наше спасение, но и *спасение уникального цивилизационного моста между Западом и Востоком*, с разрушением которого может случиться непоправимое в общем течении мировой истории. Из этой логики вытекает не только национальная, но и наднациональная идея России.

Развитие материальной и политической культуры немислимо без развития культуры духовной. Точнее, одно не мыслимо без другого. Ведь телесное и духовное образуют нерасторжимое единство, и горе тому, кто забыл эту великую мудрость своих далёких предков. Ибо о таких сказано древними: «Поистине их безрассудство для нас тягостнее, чем их обнищание».

ЛИТЕРАТУРА

- 1 *Лефевр В. А.* Конфликтующие структуры (издание третье). М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2000.
- 2 *Щедровицкий Г. П.* Рефлексия и ее проблемы // Прикладная эргономика (специальный выпуск): Рефлексивные процессы, № 1. М.: «Ассоциация прикладной эргономики», 1994. С. 10–16.
- 3 *Лепский В. Е.* Рефлексия в работах Г. П. Щедровицкого и В. А. Лефевра // Рефлексивный подход: от методологии к практике» (Сборник статей под ред. В. Е. Лепского). М.: Когито-Центр, 2009. С. 27–38.
- 4 *Левинтов А. Е.* Методология Г. П. Щедровицкого и В. А. Лефевра // Рефлексивный подход: от методологии к практике (Сборник статей под ред. В. Е. Лепского). М.: Когито-Центр, 2009. С. 39–42.
- 5 *Бирштейн Б. И., Боршевич В. И.* Стратегемы рефлексивного управления в западной и восточной культурах // Рефлексивные процессы и управление, том 2, № 1, 2002. С. 27–49
- 6 *Birshtein B., Borsevici V.* Theory of Reflexivity by George Soros: Attempt of Critical Analysis // Reflexive Processes and Control, V. 1, № 1, RAS Institute of Psychology, 2002. P. 73–86.
- 7 *Spinoza B.* Ethics. Wordsworth Edition Ltd, Mackays of Chatham, Kent, 2001.
- 8 *Whorf B. L.* Thought and Reality. Selected Writings. Massachusetts Institute of Technology, 1957.
- 9 *Heider F.* The Psychology of Interpersonal Relations. New York, 1958.